

Тема.

Климатический диалог: конференция в Глазго

ЮРГЕНС Игорь Юрьевич — кандидат экономических наук, профессор; профессор кафедры управления рисками и страхования Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ (119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76; yurgens@riocenter.ru); президент Всероссийского союза страховщиков; вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей; руководитель Российского международного ресурсного центра ESG МГИМО

ТУРБИНА Капитолина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор; заведующий кафедрой управления рисками страхования Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ (119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76; ctourbi@yandex.ru); главный научный сотрудник Центра устойчивого развития МГИМО

КЛИМАТИЧЕСКИЙ САММИТ В ГЛАЗГО: ОБНОВЛЕНИЕ МИРОУСТРОЙСТВА И ЗАДАЧИ РОССИИ

Аннотация. В статье подробно рассматривается состояние, задачи и реализация климатического диалога в мире с участием Российской Федерации, показываются проблемы климатических изменений и необходимость усилий мирового сообщества по проведению «зеленой политики». Авторы приводят значительный объем документов 26-й конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата в Глазго (КС26). Практические результаты последней отражают существующие в мире сегодня интересы, условия, противоречия и уровень политической воли, которой оказывается недостаточно, чтобы преодолеть глубокие разногласия. Авторы рассматривают риски и выгоды «зеленой политики» для РФ. Перед Россией как составной частью глобальной экономической системы стоит задача минимизировать затраты «зеленого перехода» через активное участие в дальнейшей выработке глобальных норм перехода к низкоуглеродной экономике и через адаптацию национального хозяйства к новым нормам. «Зеленый переход» должен стать в России толчком для модернизации производственных мощностей, для внедрения ESG-повестки в бизнесе, для развития инструментов финансирования устойчивого развития. Климатическая тематика в России должна быть проанализирована в разрезе общего внешнеполитического позиционирования и утверждения национальных интересов страны. В статье подчеркивается, что климатические партнерства являются многообещающим форматом международного сотрудничества, позволяющим развивать отношения даже в условиях принципиальных идеологических и геополитических противоречий.

Ключевые слова: экологическая тематика, экологическая политика, зеленый переход, устойчивое развитие, природные экосистемы, изменение климата, климатическая политика, сотрудничество, противоречия, Парижское соглашение, Климатический пакт Глазго, метановый пакт, атомная энергетика, чистая энергия, лесоклиматический проект, неравенство, Север–Юг, «Двадцатка уязвимых»

Проблема климатических изменений и необходимость мировой координации экологической политики находятся в центре внимания международных институтов уже не одно десятилетие. Наша страна с самого начала активно участвовала в такой работе. В значительной мере включением этого вопроса в повестку глобального развития мир отчасти обязан именно Москве. В годы последнего обострения «холодной войны» экологическая тематика и, шире, вопросы устойчивого развития обеспечили сторонам глобального противостояния канал непрерывного и продуктивного взаимодействия, способствовавший снижению общей напряженности.

В последующие годы Россия остается значимым участником климатического диалога. Утвержденная четверть века назад Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию отражала стремление реализовать международно согласованные подходы к экологической политике на национальном уровне. На первом плане, однако, у тех, кто отвечал за осуществление экономической и социальной политики, долгое время были совершенно иные задачи. Вследствие этого и участие в глобальной работе – через институты и органы Рамочной конвенции ООН об изменении климата, принятой в 1992 г., или в иных форматах – перестало на определенный период быть безусловным приоритетом.

В последние годы у российского правительства, в значительной мере под угрозой возможной потери значительных ресурсов для дальнейшего экономического роста и утраты конкурентоспособности на мировом рынке ведущих российских компаний, после интенсификации обсуждения зарубежной углеродной таксономии сформировалось полноценное видение того, как и с какими целями глобальная климатическая повестка может быть воплощена в законодательной и регуляторной практике государства. Соответственно, проявилась и необходимость активно воздействовать на формирование такой повестки, на работу ответственных за ее реализацию международных институтов.

В Послании Федеральному собранию 21 апреля 2021 г. президент В. Путин выделил борьбу с изменением климата как одно из критически важных направлений развития страны. Задачу адаптации к этому вызову он определил в качестве мощного стимула для комплексной модернизации всех отраслей экономики и социальной сферы, подчеркнув значение действий на данном направлении для повышения качества жизни граждан страны.

Россия как одна из сторон Парижского соглашения 2015 г. приняла на себя обязательство осуществлять планомерное сокращение выбросов парниковых газов, что является одной из главных метрик позитивных изменений в решении задач по снижению глобальных климатических рисков. Определяемый на национальном уровне вклад России на данный момент предусматривает сокращение выбросов к 2030 г. до 70% относительно уровня 1990 г. Это зафиксировано президентским указом от 4 ноября 2020 г. – «с учетом максимально возможной поглощающей способности лесов и иных экосистем и при условии устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации».

29 октября 2021 г., буквально накануне открытия 26-й конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата в Глазго (КС26) правительство России утвердило Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Согласно документу, реализация целевого сценария позволит стране достичь баланса между антропогенными выбросами парниковых газов и их поглощением не позднее 2060 г. Целевой сценарий предполагает опережающие темпы роста несырьевого экспорта при устойчивом развитии экономики (до 3% ВВП в год), поступательном росте инвестиций в основной капитал и реальных располагаемых доходов населения. На КС26 в Глазго глава российской делегации заместитель председателя правительства А.Л. Оверчук заявил, что углеродная нейтральность достижима для страны и в более короткие сроки, если будут обеспечены инвестиционная поддержка мер по реализации стратегии и более свободный режим передачи «зеленых технологий».

Федеральный закон от 2 июля 2021 г. «Об ограничении выбросов парниковых газов» предусматривает формирование реестра углеродных единиц – информа-

ционной системы ведения учета углеродных единиц деятельности национальных компаний и операций с ними; определены принципы, а в дальнейшем — и метрики регистрации климатических проектов. Регулируемым компаниям, чья деятельность сопровождается выбросами парниковых газов, вменяется в обязанность предоставлять отчеты о выбросах (с начала 2023 г., если масса выбросов эквивалентна 150 тыс. т и более, и с начала 2025 г. — при показателях от 50 до 150 тыс. т).

Дан старт реализации пилотного проекта по апробации подходов к квотированию выбросов парниковых газов и построению системы торговли углеродными единицами в Сахалинской обл. Он нацелен на достижение регионам углеродной нейтральности до конца 2025 г. (В 2021 г. разница между выбросами и поглощениями на Сахалине составит, по прогнозу, около 10%, или 1,2 млн т CO₂-эквивалента)¹.

На развитие в стране «зеленого финансирования» ориентировано постановление Правительства от 21 сентября 2021 г. «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе их верификации на правительственном уровне».

Вместе с тем нужно признать, что от стран — лидеров «зеленого перехода» Россия отстоит достаточно далеко. Так, в нынешнем году наша страна заняла 73-е место из 115 в *Energy Transition Index*, рейтинге Всемирного экономического форума по уровню развития чистой энергетики. Эксперты отмечают институциональный прогресс, относительно успешную подготовку нормативной базы для энергоперехода, но констатируют, что практический эффект от принятых мер пока минимален, и в своей энергетической политике Россия остается стабильной на протяжении уже долгого времени.

Заявленный национальный российский вклад в реализацию Парижского соглашения на фоне обязательств других держав выглядит сдержанным, хотя и отражает существенные изменения, происшедшие в российской экономике с начала 90-х гг. прошлого века. Если Европейский союз и Великобритания намереваются к 2030 г. сократить выбросы относительно 1990 г. на 55% и 68% соответственно, Япония — на 25% относительно 2005 г., Канада в том же временном промежутке — на 30%, а Бразилия — на 43%, то для России выполнение указанной цели в 70% относительно 1990 г. означало бы рост выбросов в 1,5 раза после 2005 г. (фактический уровень выбросов в стране сейчас немногим превышает 50% уровня тридцатилетней давности).

У Российской Федерации, безусловно, имеется потенциал для того, чтобы ставить серьезные цели и в показателях снижения выбросов углеродов, и роста энергоэффективности, и уменьшения углеродоемкости экономики (Китай и Индия, пользуясь привилегией развивающихся стран, определяют свой вклад не по абсолютному снижению объема выбросов, а по его уменьшающемуся отношению к ВВП; и если сейчас углеродоемкость ВВП Китая выше, чем у России, то в случае успешной реализации Пекином заявленных для РКИК обязательств к 2030 г. она будет на 36% ниже нынешнего российского показателя).

Активизация российской национальной климатической политики неоспорима, что продемонстрировано и в рамках глобального взаимодействия. На конференции сторон РКИК в Глазго представители некоторых стран высказывали претензии к России, связанные с недостаточно высоким сравнительно с другими мировыми державами уровнем представительства. Однако числен-

¹ *Климатическая программа Сахалинской области на период до 2025 года*. Ноябрь 2021. С. 21-23.

ный состав российской делегации оказался самым большим. Широту проблематики, по которой наша страна готова вести предметный разговор, в известной степени отражают ежедневно сменявшиеся темы российского павильона в Глазго: достижение углеродной нейтральности, энергетический переход, лесопользование, Арктика, ответственное финансирование, российский бизнес в работе по достижению целей Парижского соглашения, климатический план Москвы, молодежь и климатически ориентированные образовательные программы.

Конференция сторон РКИК, длившаяся в 2021 г. две недели, представляла собой большой комплекс мероприятий, встреч и дискуссий. Но в центре внимания как собравшихся в Глазго, так и следивших за происходящим со стороны неизменно оставалась работа над итоговым документом — Климатическим пактом, окончательный вариант которого был представлен 13 ноября 2021 г.

Борьба с климатическими изменениями — составная часть Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, которая была принята резолюцией Генассамблеи ООН в сентябре 2015 г. Это одна из 17 целей, вписанных в общий контекст глобальных усилий по обеспечению устойчивого роста, не разрушающего собственную ресурсную базу, обеспечивающего воспроизводство человеческого капитала, гарантирующего, что удовлетворение потребностей нынешних поколений не пойдет в ущерб поколениям будущим. Комплекс взаимосвязанных целей устойчивого развития включает также преодоление голода и бедности, равенство возможностей как для людей, так и для государств, равный доступ к ресурсам, уничтожение разрывов между глобальным Севером и глобальным Югом.

Имеет смысл привести текст преамбулы Климатического пакта Глазго — в нем отражена современная идеологическая база глобального «зеленого перехода». Страны-подписанты устанавливают цели дальнейшего движения к достижению комплексных целей устойчивого развития ООН, «признавая роль многосторонности в решении климатических проблем и поощряя региональное и международное сотрудничество для усиления борьбы с изменением климата в контексте устойчивого развития и попыток искоренения бедности; признавая разрушительные последствия пандемии коронавируса в 2019 г. и важность обеспечения устойчивого, стабильного и всеохватного восстановления мировой экономики, демонстрируя солидарность, особенно с развивающимися странами; признавая также, что климатические изменения являются общей проблемой для всего человечества, и стороны соглашения должны, предпринимая действия в отношении климатических изменений, уважать, продвигать и учитывать свои обязательства в части прав человека, права на охрану здоровья, прав коренных народов, местных сообществ, мигрантов, детей, людей с ограниченными возможностями, людей, находящихся в уязвимом положении, и права на развитие, а также гендерного равенства, расширения прав и возможностей женщин и равенства между поколениями... признавая важную роль коренных народов, местных сообществ и гражданского общества, включая молодежь и детей, в ответе на климатические вызовы».

Значимость Климатического пакта Глазго определяется, прежде всего, тем, что в нем зафиксировано завершение работы над правилами реализации Парижского соглашения 2016 г., окончательно заданы нормы имплементации ст. 6 соглашения, в которой определяются механизмы стимулирования деятельности по сокращению выбросов парниковых газов. Закреплены общие подходы к двусторонним климатическим инициативам, принципы построения методологии количественной оценки их результатов. Установлены единые

правила торговли углеродными квотами, централизованный международный механизм признания углеродных единиц.

Подтверждена долгосрочная цель борьбы с глобальным потеплением — удерживать повышение средней температуры на уровне значительно ниже 2 градусов по Цельсию от уровня доиндустриальной эпохи, ориентируясь при этом на показатель в 1,5 градуса. Для ее достижения признано необходимым к 2030 г. снизить объем глобальных выбросов диоксида углерода на 45% по сравнению с 2010 г., радикально сокращая выбросы и других парниковых газов. При этом «с серьезной озабоченностью» отмечено: пока анализ вкладов, определяемых на национальном уровне в соответствии с Парижским соглашением, предполагает, что эмиссия-2030 будет выше эмиссии-2010 на 13,7%. К концу следующего года сторонам соглашения настоятельно рекомендуется обновить свои национальные обязательства на текущее десятилетие в сторону большей результативности. Выражена поддержка мер по защите лесов и экосистем вообще, по ограничению выбросов метана.

Выделен также вопрос об использовании угля: коллизии вокруг его упоминания в тексте документа достаточно широко излагались в средствах массовой информации по ходу завершающей части саммита. Тезис об уходе от ископаемых видов топлива в текущем году появился в итоговом документе КС впервые. Однако при его согласовании формулировка претерпела значительные изменения. В окончательном варианте речь шла уже не о поступательном отказе (*phase-out*) от угледобычи, но о поступательном ее снижении. Добавлено уточнение, что мера касается технологий добычи угля, «не подвергаемого очистке» (*unabated*), т.е. не предусматривающих улавливание и хранение выбросов углекислого газа. Появилось также упоминание о поддержке «справедливого перехода» — признано, что не должно пострадать качество жизни тех, у кого оно сейчас зависит от угледобычи. Так или иначе, конкретные формулировки об использовании угля представляются ощутимым прорывом сравнительно с предыдущими вариантами климатических деклараций.

В компромиссном варианте был изложен в итоге и пункт о постепенном отказе от субсидирования правительствами производства и потребления ископаемого топлива (по подсчетам Международного валютного фонда, в 2020 г. такие вложения в мире составляли 5,9 трлн долл.; а если бы к 2025 г. был совершен общий переход на рыночное ценообразование, выбросы парниковых газов сократились бы более чем на треть [Parry, Black, Vernon 2021]). На саммите вопрос, в т.ч. усилиями российской делегации, оказался сведенным к сокращению только таких субсидий, которые можно определить как неэффективные. Это в известной степени защищает национальные власти от негативных социальных эффектов и в целом значительно смягчает «удар по углю», нанесенный в Глазго. «Тем самым мы обеспечили приемлемую скорость энергоперехода, сделали его более поэтапным и безопасным, сохранили инвестиционную привлекательность энергетического сектора», — так охарактеризовал полученный результат министр экономического развития России М. Решетников¹. Другим безусловным успехом российской делегации стало закрепленное в решениях саммита расширение срока зачетного периода углеродных единиц по лесоклиматическим проектам для северной зоны с предполагавшихся 5 до 15 лет (при зафиксированной возможности двукратной пролонгации, т.е. в общей сложности до 45 лет). Для бореальных лесов (располагающихся выше 60° северной

¹ Гринкевич Д. Россия будет платить налог в 5% с глобально признанных климатических проектов. — *Ведомости*. 22 ноября 2021 г.

широты и ниже 60° южной широты) это, бесспорно, гораздо более адекватные сроки.

Стороны нового соглашения, в самом его тексте установив, что осознают недостаточность принятых на сегодня мер даже в краткосрочной перспективе, поручили Генеральному секретарю ООН созвать в 2023 г. встречу мировых лидеров для восполнения пробелов в программе действий по достижению целей Парижского соглашения и постановки новых конкретных задач на ближайший период – до 2030 г.

Стороны Пакта в качестве участников международного рынка углеродных единиц присоединились к Адаптационному фонду ООН и согласились перечислять 5-процентный налог с национальных углеродных единиц на его формирование. Фонд был создан в 2007 г. в соответствии с Киотским протоколом для финансирования проектов и программ по адаптации к климатическим изменениям в развивающихся странах. На COP23 в Бонне было принято решение о трансформации Фонда в один из формальных инструментов достижения целей Парижского соглашения по климату 2015 г. Налог будет взиматься с углеродных единиц, авторизованных Наблюдательным советом при ООН, который решает, способствует ли конкретный проект устойчивому развитию и может ли быть учтен во вкладе, определяемом на национальном уровне. Помимо указанных 5%, еще 2% аннулируются, чтобы стимулировать общее сокращение выбросов, а не просто продажу квот.

Финансовый вопрос стал предметом наиболее горячих дискуссий накануне и во время саммита. В 2009 г. на КС15 в Копенгагене развитые страны обязались финансировать климатический переход в развивающихся странах так, чтобы ежегодная сумма этих ассигнований к 2020 г. достигла 100 млрд долл. На парижском саммите через 6 лет эта цель была подтверждена, а обязательства продлены до 2025 г.

В реальности страны-реципиенты такой суммы пока не увидели. Максимальный годовой показатель, согласно данным ОЭСР, был достигнут в 2019 г.: 79 млрд долл. По подсчетам же *Oxfam*, международной благотворительной сети, подготовившей «Теневой отчет по климатическому финансированию» без учета кредитов по рыночным ставкам, а также содействия развитию, фактически не связанному с климатической адаптацией, эта сумма составила лишь около 25 млрд долл.

Естественное свойство ссуд, даже льготных, – то, что направляются они на окупаемые проекты, к примеру, на возобновляемую энергетику и другие инициативы, связанные со снижением углеродного следа. Реализация проектов по адаптации к климатическим изменениям, скажем, защите от наводнений, требует не ссуд, а грантов.

Пока на адаптацию развивающихся стран к климатическим изменениям направляется лишь четверть всего финансирования. Страны-реципиенты считают, что соотношение должно быть, как минимум, пятьдесят на пятьдесят, особенно учитывая, что снижение углеродных выбросов – это добровольное решение страны – участницы Парижского соглашения, а расходы на борьбу с засухой, на реконструкцию производственных мощностей, сельскохозяйственных территорий и окружающей среды после природных катастроф неизбежны в текущей реальности. В Республике Бангладеш уже сейчас государство на подобные цели ассигнует 3 млрд долл. в год, 7% национального бюджета, и еще 2 млрд тратят в частном порядке жители сельских районов.

Одним из немногих достижений развивающихся стран на саммите стало появление в итоговой декларации КС26 настоятельного призыва к развитым странам до 2025 г. как минимум удвоить свой вклад в международную адап-

тацию к изменениям климата. Подчеркнута необходимость усиленной прозрачности и своевременной отчетности в расходовании полученных средств. Инструментом справедливого перераспределения от исторических загрязнителей к климатически уязвимым должна стать «Сеть Сантьяго» – программа технической помощи, идея которой была оформлена два года назад (накануне КС25, местом проведения которой изначально намечалась чилийская столица) и, наконец, закреплена в документе глобального значения. Той же цели будет служить учреждаемый Диалог Глазго. Развивающиеся страны, так называемая Группа 77, на саммите предлагали создание целевого фонда, но странам-лидерам удалось настоять на форме поддержки, не предполагающей неизбежного принятия новых финансовых обязательств.

В текст пакта попала также рекомендация МВФ использовать специальные права заимствования для облегчения долгового бремени беднейших стран, связанного с «зеленым переходом».

Летом 2021 г. собственный климатический саммит проводила *Vulnerable 20*, «Двадцатка уязвимых». В этой «двадцатке» стран на данный момент, строго говоря, 48 участников – те страны, которые климатические изменения затрагивают в первую очередь; и это, как правило, беднейшие государства мира, чей собственный углеродный след был и остается минимальным: на их территории проживает больше миллиарда человек, на долю которых приходится лишь 5% мировых выбросов. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш на саммите *V20* привел следующие данные: сейчас на адаптацию развивающимся странам необходимо как минимум 70 млрд долл. ежегодно, а к 2030 г. эта сумма может вырасти более чем вчетверо.

В негативном контексте отмечается непропорциональность участия в финансировании проектов в развивающихся странах мировых лидеров. США за последние три года ассигновали в среднем 7,5 млрд долл., а должны, как считается, производить от 40 до 47% общего вклада в зависимости от того, какой оценочный показатель использовать в качестве базы расчета – национальное богатство или исторически накопленные выбросы парниковых газов. Япония и Франция пока финансируют проекты по климатическим изменениям много больше остальных, но это почти полностью предоставленные займы. Со стороны Австралии климатическая помощь пока минимальна, и в основном в виде грантов.

Сформировать средства на борьбу с климатическими изменениями в развивающихся странах в размере 100 млрд долл. США ежегодно было одной из заявленных целей председательства Великобритании в Программе ООН по окружающей среде – чуть ли не единственной целью с конкретным исчисляемым ориентиром. Итоги председательства подведены на КС26, но достижение цели перенесено на несколько лет.

Стоимость «зеленого перехода» для достижения современных жестких норм, установленных странами-лидерами, гораздо более ощутима именно для глобального Юга. Президент Боливии Луис Арсе с трибуны саммита в этой связи «клеил углеродный колониализм», а премьер Барбадоса Миа Мотли эмоционально заявляла: «...могут ли на планете быть мир и процветание, если одна треть ее жителей благоденствует, а две трети сталкиваются с катастрофическими угрозами». От КС26 эти две трети ожидали *justice reset*, «перезагрузки справедливости». Но глобальный Север, заявляя о намерениях восстановить доверие, обеспечивать солидарность и поддерживать справедливость, в конкретных решениях реализовал эти запросы в незначительной степени. Развивающиеся страны не могут быть удовлетворены ни финансовым обеспечением, ни во многом самими подходами к борьбе с глобальным потеплением,

выработанными для принципиально иной экономической ситуации: скажем, для большинства африканских стран переход с дров и мазута на природный газ был бы как выгоден, так и крайне экологичен, но Север категорически отказывается хотя бы в данном случае признать газ достаточно «зеленым».

Наиболее широким по охвату участников саммита документом, помимо итогового Климатического пакта, стала Декларация по лесам и землепользованию, подписанная представителями 141 государства, включая РФ. Руководители российской делегации с самого начала придавали большое значение этому вопросу. Президент России обратился к участникам заседания, на котором обсуждалась декларация о лесах, со специальным видеообращением и высказал уверенность, что сохранение лесов и других природных экосистем «является одной из ключевых составляющих международных усилий по решению проблемы глобального потепления». В. Путин указал, что для России ее лесные ресурсы, составляющие пятую часть всех мировых запасов, — в числе главных опор при реализации стратегии достижения углеродной нейтральности.

Присоединившиеся к декларации страны подтвердили все свои прежние обязательства в отношении сохранения и восстановления лесов и приняли решение «работать совместно, чтобы остановить и обратить вспять процесс утраты лесов и деградации земель к 2030 году».

Ключевым направлением такой работы в документе обозначен переход к устойчивому землепользованию, для которого при необходимости должны быть скорректированы национальные сельскохозяйственные стратегии и программы. Особое внимание обращено на поддержку местных общин и коренных народов, чье качество жизни непосредственно зависит от состояния лесов и в первую очередь страдает от неумеренной эксплуатации лесных ресурсов.

Документ включает в себя и финансовые обязательства стран-подписантов. 12 стран приняли обязательство выделить до 2025 г. 12 млрд долл. на восстановление деградированных земель и борьбу с лесными пожарами. К обязательствам присоединились более 30 участников мирового финансового рынка с совокупным капиталом 8,7 трлн долл. Непосредственно с трибуны Глазго обязательство выделить дополнительно на эти цели 1 млрд долл. из Фонда Земли принял глава «Амазона» Дж. Безос. Декларация была также поддержана рядом крупнейших сырьевых компаний.

Однако экспертная оценка документа была по преимуществу сдержанной. Комплекс обязательств, предусмотренных в его преамбуле, формировался на протяжении трех десятилетий, начиная с так называемого Саммита Земли 1992 г. в Рио-де-Жанейро, где было принято Заявление о принципах глобального консенсуса по управлению, сохранению и устойчивому развитию всех типов лесов. Почти четверть века функционирует Форум ООН по лесам; на КС20 в Нью-Йорке в 2014 г. уже принималась Декларация по лесам, нацеленная на сокращение вырубki вдвое к 2020 г. и прекращение ее к 2030 г. В апреле 2017 г. Генеральная ассамблея ООН утвердила так называемый Стратегический план по лесам. Изложение главной из шести установленных этим планом «лесных целей» почти дословно повторяется в «лесной декларации» Глазго. «Обратить вспять утрату лесного покрова во всем мире за счет устойчивого лесопользования, включая защиту, восстановление, облесение и лесовозобновление, а также активизировать усилия по предотвращению деградации лесов и внести свой вклад в глобальные усилия по борьбе с изменением климата» — так это формулировалось четыре с половиной года назад. Уничтожение лесных массивов в разных частях Земли с тех пор только ускорилося. По данным РКИК, за 2010-е гг. на деструктивные методы землепользования потрачено примерно

в 40 раз больше средств, чем на охрану и восстановление экосистем суши и на переход к устойчивому сельскому хозяйству. Эти факты заставляют усомниться в том, что национальные правительства стран-подписантов будут воспринимать декларацию 2021 г. как обязывающую и обещанные финансовые вложения в восстановление лесов будут иметь реальный позитивный эффект.

Более ста стран присоединились на саммите в Глазго к глобальному обязательству по сокращению выбросов метана на 30% к 2030 г.

Инициатива была выдвинута президентом США Дж. Байденом и председателем Еврокомиссии У. фон дер Ляйен 17 сентября 2021 г. на виртуальном форуме ведущих экономик по энергетике и климату.

Главные источники антропогенных выбросов метана – добыча и транспортировка природного газа, нефте- и угледобыча, скотоводство, выращивание ряда сельскохозяйственных культур (прежде всего риса), а также сточные воды. При небольших по сравнению с углекислым газом объемах выбросов на метан приходится значительная часть парникового эффекта. Он удерживает тепло в атмосфере Земли в 23 раза эффективнее, чем углекислый газ. Считается, что им обеспечено около половины происшедшего повышения среднегодовых температур в индустриальную эпоху.

Метан сохраняется в атмосфере лишь несколько лет, в отличие от углекислого газа, поэтому сокращение его выбросов обеспечивает быстрый результат. Инициаторы «метанового пакта» продвигали это соглашение как возможность добиться ощутимых достижений в борьбе с изменением климата уже в текущем десятилетии, т.к. по остальным направлениям реальную отдачу приходится откладывать на вторую половину века. В случае общей поддержки «метановый пакт» должен гарантировать до 2050 г. минус 0,2 градуса глобального потепления. Указывается также на существенные сопутствующие факторы борьбы с выбросами метана: это улучшение общественного здоровья, рост эффективности сельского хозяйства, появление новых рабочих мест, т.к. сокращение выбросов обеспечивается не сворачиванием хозяйственной деятельности, а, наоборот, разворачиванием новых технологических процессов.

Участники инициативы планируют радикально сокращать утечки метана при нефтедобыче и транспортировке природного газа, внедрять более прогрессивные способы ведения сельского хозяйства. Технологии по снижению выбросов метана, по его сбору и использованию в ходе производственной деятельности давно получили широкое развитие, но их внедрение всегда требовало серьезных инвестиций. Поэтому и на данном направлении стартовые позиции развитых стран значительно отличаются от позиций стран развивающихся.

Форсированное продвижение этой инициативы Соединенными Штатами и Евросоюзом накануне и в первые дни саммита имело лишь частичный успех: чуть менее 50% глобальных антропогенных выбросов метана – таков охват пакта, достигнутый в Глазго. От присоединения к нему воздержались Китай и Индия. В заявлении Австралии указано, что принятие подобных обязательств роковым образом скажется на сельском хозяйстве страны.

Российские представители указали на необходимость предварительно тщательно проанализировать практическую целесообразность и социально-экономические последствия такого шага. По данным Росгидромета, основной эмитент метана в России – нефтегазовая отрасль, на долю которой приходится около 40% всех выбросов. Почти 2/3 вклада приходится на транспортировку и хранение природного газа. И если в начале 2010-х гг. выбросы метана в этом секторе несколько снижались, то к нынешнему моменту вновь наблюдается рост (превышен уровень 1990 г.). Впрочем, по мнению Международного энергетического агентства, и эти внушающие опасение российские данные значи-

тельно занижены. Так или иначе, безоговорочное включение России в новую инициативу по сокращению выбросов метана стало бы серьезным вызовом для отечественной нефтегазовой отрасли.

Встреча в Глазго происходила на фоне нарастающего беспокойства, что принятые национальные обязательства в области «зеленого перехода» не являются надежным барьером для наращивания объемов «грязной» энергогенерации. По данным Программы развития ООН, на субсидирование добычи ископаемого топлива в мире ежегодно выделяется государствами в среднем 423 млрд долл. Страны G20 за последние 3 года направили на эти цели в 2,5 раза больше средств, чем на поощрение развития возобновляемой электроэнергетики.

На КС26 представители 40 государств приняли Заявление о глобальном переходе от угля к чистой энергии, еще 6 стран согласились только с отдельными пунктами документа. В нем зафиксированы обязательства стран-подписантов по постепенному отказу от угольной энергетики, не оснащенной системами улавливания и хранения углерода. Развитые экономики должны осуществить такой переход в течение 2030-х гг., остальные — к середине века («или впоследствии, настолько скоро, насколько возможно»). В Заявлении также определена цель — прекратить строительство новых угольных электростанций и выдачу разрешений на новые национальные и зарубежные проекты в сфере добычи и потребления. Отдельно подчеркнута решимость оказывать финансовую, техническую и социальную поддержку, в т.ч. в порядке международного сотрудничества, секторам, сообществам и работникам, которые могут пострадать в результате отказа от добычи и использования угля.

Охват этой «глобальной» инициативой оказался нешироким: США, Китай, Индия, Япония и Россия, крупнейшие мировые производители и потребители угля, новых обязательств в Глазго не приняли. В заявлении Индонезия, к примеру, указала на готовность отказаться от низкотехнологичной угольной генерации в 2040-х гг. лишь при достаточной международной финансовой поддержке. Вместе с тем присоединение к договоренностям Украины, Польши, ряда других европейских стран и Евросоюза в целом, Южной Кореи, Вьетнама и Чили, которым принадлежат заметные доли в мировой угольной энергетике, стало заметным событием.

Предметом оживленной дискуссии на КС26 стал вопрос об экологичности атомной энергетики, и в частности о включении ее в зеленую таксономию Евросоюза. МАГАТЭ представило в Глазго доклад «Атомная энергетика для безуглеродного мира», где представлено обоснование необходимости стимулировать развитие этой отрасли для обеспечения своевременного и эффективного энергетического перехода. В анализе содержится призыв наращивать государственные и частные инвестиции в строительство и исследование по безопасности атомной энергетики. Представление доклада было дополнено национальными заявлениями России, Китая, США, Канады, Франции, Великобритании, Японии, Польши и Финляндии.

Соединенные Штаты в Глазго объявили о выделении 25 млн долл. на инициативу *Nuclear Future Package*, ставящую целью расширение доступа стран-участниц к безопасной ядерной энергетике. К программе присоединились, в частности, Бразилия, Индонезия, Кения, Польша, Румыния и Украина.

Генеральный директор Росатома А. Лихачев, подводя итоги климатического саммита, отметил: «...ответ на вопрос о том, должна или не должна ядерная энергетика быть в безуглеродном мировом балансе, после COP26 стал очевиден — да, должна».

Но единства мнений на этот счет по-прежнему нет как среди государств, так и у мировой общественности, чему свидетельством было обнародован-

ное накануне встречи в Глазго «антиатомное» заявление *Don't Nuke the Climate* («Не наносите ядерный удар по климату»), под которым поставили подписи представители более 300 общественных организаций, включая российские. Так что масштабных деклараций о широком использовании атомной энергетики в энергетическом переходе от ближайших конференций сторон вряд ли стоит ожидать, но потенциал для результативного сотрудничества по данному направлению в рамках РКИК, безусловно, имеется.

Почти четверть мировых выбросов при сжигании топлива приходится на транспорт. Представители 24 государств подписали в Глазго Декларацию об ускорении перехода на легковые автомобили и микроавтобусы с нулевым уровнем выбросов вредных веществ. К 2035 г. на ведущих рынках и к 2040 г. повсеместно 100% продаж должны приходиться на долю такого транспорта; не позднее 2035 г. должно быть обеспечено и тотальное обновление государственных автопарков. Правда, подавляющее большинство стран – лидеров в области производства автомобилей в списке стран-подписантов отсутствуют при наличии в нем Великобритании, Канады, Польши, а также ряда крупных автоконцернов. Десять стран с формирующимися рынками, в т.ч. Индия, Турция, Мексика, Украина, зафиксировали свою принципиальную поддержку декларации, но предусмотренные ею жесткие обязательства на себя не приняли.

Другим результатом «транспортного дня» в Глазго стала декларация 15 стран о решимости работать над обеспечением к 2040 г. выпуска новых грузовиков и автобусов.

Концепция развития электротранспорта в России на 2020-е гг., утвержденная в конце лета 2021 г., предполагает, что к исходу текущего десятилетия электротранспорт должен составлять не менее 10% всей продукции автомобильной промышленности в стране, а сеть зарядных станций – состоять, как минимум, из 72 тыс. ед. В первом же полугодии 2021 г. доля продаж электротранспорта в России не превысила 0,1%, (для сравнения, в Норвегии эта доля сейчас около половины, а, скажем, в Китае – 17%).

Двадцать два государства, в т.ч. США, Канада, Австралия, Япония, Великобритания, Германия, Франция и Испания, подписали Декларацию о зеленых морских коридорах. Уже к середине 2020-х гг. они планируют обеспечить формирование как минимум шести морских маршрутов с нулевым уровнем выбросов парниковых газов и в дальнейшем наращивать усилия на этом направлении.

Заметным событием саммита оказался запуск программы «Прорывы Глазго» – международного плана по распространению «зеленых» технологий до 2030 г., инициатором которого стала Великобритания. Программа должна обеспечить ускоренную разработку таких технологий и их доступность для развивающихся стран. Программа включает сеть разнообразных инициатив с инструментами постоянного контроля за их осуществлением. Обозначено пять областей для приоритетного технологического прорыва: производство электроэнергии, автомобилестроение, сталелитейная промышленность, сельское хозяйство, низкоуглеродистый водород. 20 миллионов новых рабочих мест и более 16 трлн долл. инвестиций – заявленные ориентиры программы. Британское правительство обещало в ближайшие годы выделить на осуществление программы 27,5 млн фунтов. Декларацию о запуске «Прорывов...» подписали представители 41 страны, в т.ч. США, Китая, Индии, Японии, Кореи, Канады, Австралии, Турции, Египта, Германии, Франции, а также Европейского союза.

На конференции в Глазго были сделаны новые шаги и в создании условий

для «озеленения» бизнес-процессов в корпоративном управлении и нефинансовой отчетности. Фонд Международных стандартов финансовой отчетности сформировал Совет по международным стандартам отчетности в области устойчивого развития (*International Sustainability Standards Board, ISSB*). В компетенцию нового учреждения входит разработка всеобъемлющей базы высококачественных международных стандартов раскрытия ESG-информации. В состав Совета будут интегрированы организации, уже занимающиеся раскрытием информации в данной сфере.

Самой неожиданной декларацией саммита стало обнародованное за два дня до его окончания двустороннее заявление лидеров Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики, в т.ч. и по выбросам (на их долю приходится 40% общих показателей выбросов парниковых газов).

Спецпредставитель президента США по климату Джон Керри так определил суть данного документа: «Мы вместе выразили поддержку КС26, в том числе по некоторым элементам, которые подразумевают повышение целей».

Тематика двустороннего заявления в целом повторила ключевые пункты общей дискуссии в Глазго: сокращение выбросов углекислого газа и метана, прекращение вырубки лесов и т.д. Стороны декларировали уже в текущем десятилетии интенсификацию усилий по борьбе с климатическими вызовами. Было заявлено о намерении тесного сотрудничества в этом направлении путем организации на постоянной основе американо-китайской Рабочей группы по активизации деятельности в области климата в 2020-х годах. Китай, отказавшийся ранее присоединиться к Глобальной декларации по метану, анонсировал принятие Национального плана действий по метану, а также заявил о намерении с началом 15-й пятилетки (2026–2030 гг.) начать поступательное сокращение потребления угля.

Иные конкретные цели и показатели в заявлении отсутствуют, но определенное впечатление она, безусловно, произвела, т.к. до того полторы недели США и Китай в Глазго выступали в роли главных оппонентов в дискуссии по Климатическому пакту. Его появление, очевидно, несколько стимулировало работу над итоговой декларацией КС26. Спецпредставитель президента США по вопросам климата Дж. Керри сравнил американо-китайское заявление с соглашениями о сокращении вооружений, которые в годы «холодной войны» Вашингтон заключал с Москвой. «Иногда вы должны смотреть поверх различий, чтобы найти путь вперед».

Разговоры в СМИ о фактическом или «частичном» провале КС26 – явное риторическое преувеличение. Но некоторая неудовлетворенность его итогами, безусловно, отмечалась. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш на закрытии саммита подвел итоги таким образом: «Утвержденные тексты договоренностей – это компромисс. Они отражают интересы, условия, противоречия и уровень политической воли, существующие в мире сегодня. Предприняты важные шаги, но, к несчастью, коллективной политической воли оказалось недостаточно, чтобы преодолеть некоторые глубокие разногласия». И подкрепил градус напряжения, которого достигла атмосфера климатической дискуссии еще накануне встречи в Глазго: «Мы по-прежнему на пороге климатической катастрофы. Пора переходить в аварийный режим».

В ноябре 2022 г. в Шарм-эш-Шейхе (Египет) должна состояться 27-я конференция сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата. Как ожидается, центральной темой встречи, организуемой в этот раз на «глобальном Юге», станет финансирование «зеленого перехода» и адаптации к изменениям климата в развивающихся странах со стороны государств-лидеров и международных организаций. Внешнеполитическая линия современного Египта,

выстраивающего по возможности прочные отношения как с Западом, так и с Россией, Китаем, Индией, другими крупными государствами из числа развивающихся экономик, должна обеспечить разнообразие подходов в процессе подготовки и деятельности конференции, гарантировать РКИК от повторения ситуации 2021 г., когда лидеры ряда государств посчитали нужным дистанцироваться от непосредственной работы климатического саммита, снизив уровень представительства на конференции, т.к. его линия практически целиком формировалась в духе западных инициатив. Последнее связывалось, среди прочего, и координацией со стороны Великобритании, принимавшей саммит в нынешнем году.

Конечно, чтобы такие ожидания от саммита-2022 оправдались, необходимо появление встречных инициатив, необходима растущая активность по формированию и согласованию позиций в сфере ответа на климатические вызовы со стороны всех значимых участников Рамочной конвенции, в т.ч., разумеется, и Российской Федерации.

Создание в Глазго механизма по реализации Парижского соглашения, регламентирующего международный оборот углеродных единиц, резко повышает актуальность климатической повестки для международных экономических интеграционных объединений, в т.ч. и в значительной мере для Евразийского экономического союза. В последние годы ЕАЭС все более уверенно заявляет о себе как климатически ответственное объединение, но процесс выработки общих подходов в рамках климатической тематики пока не завершен.

Распоряжением Евразийского межправительственного совета от 20 августа 2021 г. по инициативе Минэкономразвития России «в целях развития диалога по тематике климата, низкоуглеродного развития, а также изучения вопроса о формировании банка климатических данных и цифровых инициатив» создана рабочая группа высокого уровня по сближению подходов государств – членов ЕАЭС в рамках климатической повестки. В ближайшее время она должна представить предложения по формулировке таких подходов и проект первого пакета мероприятий по реализации дорожной карты в этой области.

Прежде всего, проект должен предусматривать введение трансграничных корректирующих механизмов. Это общий вызов сегодняшнего дня для всех участников глобальной экономики, и очевидно, что ответ на него со стороны экономического интеграционного объединения тоже должен быть общим.

В преддверии КС26 на очередном заседании Высшего экономического совета ЕАЭС в середине октября 2021 г. было принято Заявление об экономическом сотрудничестве государств – членов ЕАЭС в рамках климатической повестки. Оно в общих чертах предварило те позиции, с которыми в Глазго выступила Российская Федерация. Руководители России, Казахстана, Армении и Кыргызстана подчеркнули важность широкого международного обмена и недискриминационного использования технологий, выступили за сближение подходов к мониторингу и верификации выбросов и поглощения парниковых газов, призвали завершить формирование правил реализации Парижского соглашения на инклюзивной, недискриминационной основе. Стороны заявили, что считают необходимым двигаться в направлении взаимного международного признания механизмов обращения углеродных единиц, а также систем подтверждения происхождения электрической энергии.

Была заявлена общая уверенность, что экономическое сотрудничество в рамках ЕАЭС может и должно быть составной частью глобальных усилий по реализации климатической повестки. Как указывается в одном из документов Евразийской экономической комиссии, встраивание Союза в глобальный диалог по климату позволит не только «минимизировать риски, связанные с вве-

дением пограничного корректирующего углеродного механизма в Евросоюзе», но и «позиционировать Союз в качестве активного участника процесса по формированию глобальных климатических правил».

Уровень представительства стран ЕАЭС на КС26 оказался достаточно высоким: в обсуждениях в Глазго приняли участие президенты Армении и Кыргызстана, премьер-министр Казахстана. Были подтверждены серьезные национальные планы по темпам «зеленого перехода». Так, Армения декларирует к 2030 г. сократить выбросы парниковых газов на 40% по сравнению с 1990 г. и удвоить долю возобновляемых источников энергии в энергобалансе. При поддержке Зеленого климатического фонда разрабатывается Национальный план адаптации к изменению климата. Долгосрочная цель страны – достижение климатической нейтральности во второй половине нынешнего века.

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев объявил о намерении страны достичь углеродной нейтральности к 2060 г. еще на виртуальном Саммите климатических амбиций в декабре 2020 г. В сентябре текущего года опубликован для публичного обсуждения проект Стратегии долгосрочного низкоуглеродного развития. Объем выбросов парниковых газов к 2030 г. должен сократиться на 15%. В Глазго было также заявлено, что доля возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии в стране к 2030 г. будет доведена с нынешних 3% до 30%.

Киргизия, в которой антропогенные выбросы CO₂ сравнительно невелики, до сих пор намечала к указанному рубежу сокращение на 16%. С трибуны Глазго президент страны С. Жапаров декларировал снижение на 44%; также заявлено намерение к 2050 г. совершенно отказаться от использования угля.

Представители всех стран – членов ЕАЭС подписали Декларацию по лесам и землепользованию. Постановка вопроса о лесах в рамках глобальной климатической политики крайне важна не только для России, но и для Беларуси, где лесами покрыто 40% территории и на каждого жителя приходится более 1 га леса.

Армения и Кыргызстан присоединились к Глобальному обязательству по метану. Казахстан подписал 4-й пункт Заявления о глобальном переходе от угля к чистой энергии – о необходимости обеспечивать поддержку людей и регионов, страдающих от такого перехода. Казахстан входит в десятку крупнейших производителей угля; доля угля среди источников энергогенерации в стране на данный момент составляет около 75%.

На встрече в Глазго Казахстан акцентировал свое намерение выступить в качестве регионального климатического хаба по устойчивому развитию в Центральной Азии. Впервые на конференциях РКИК появился Центральноазиатский павильон, организацию которого целиком взял на себя Казахстан. Казахстанским Международным центром зеленых технологий и инвестиционных проектов на полях КС26 была организована встреча «Региональное единство в борьбе с изменением климата», состоялось подписание ориентированной на Центральную Азию партнерской программы «Зеленый мост».

Кыргызстан, наряду с Таджикистаном, позиционировал себя на КС26 в числе бедных и уязвимых стран; подчеркивалось, что это наиболее подверженные климатическим рискам страны региона. На КС26 говорилось о глобальном значении сохранения горных ледников. Президент страны С. Жапаров предложил организовать целевое финансирование для развивающихся горных стран посредством специального фонда под эгидой ООН. В Глазго также состоялась его встреча с главой Азиатского банка развития, на которой обсуждалась необходимость увеличить портфель климатического финансирования.

Министр по торговле Евразийской экономической комиссии А. Слепнев 2 декабря 2021 г. на Евразийском экономическом конгрессе так охарактеризовал итоги КС26: «контуры и правила игры определены, и теперь задача исполнительных органов ЕАЭС – определить собственную повестку в соответствии с этими рамками» [Юргенс, Турбина 2022]. Представляется важным, чтобы то естественное разнообразие подходов государств ЕАЭС к глобальной климатической повестке, которое проявилось в Глазго и которое несколько не противоречит общим задачам экономической интеграции, получило бы необходимое отражение в практической работе.

Значимой вехой этой работы стала публикация в конце ноября доклада «О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов зеленой экономики и концептуальных подходах в Евразийском экономическом союзе», представленного Департаментом макроэкономической политики Евразийской экономической комиссии.

Первостепенное значение в документе отведено теме углеродного регулирования, хотя перечень актуальных проблем, по которым необходимо оперативное принятие решений, намного шире. «Глобальная климатическая повестка активно используется ключевыми мировыми игроками главным образом для усиления своих конкурентных позиций при переходе к новому технологическому укладу, основанному на низкоуглеродной экономике. В силу этого, несмотря на высокую актуальность тематики трансграничного углеродного регулирования и связанных с ним мер регулирования международной торговли, круг задач, стоящих перед государствами-членами и Союзом в целом в контексте климатического перехода существенно шире и включает весь комплекс вопросов “зеленой” трансформации, в том числе реализацию проактивной и стимулирующей денежно-кредитной и бюджетной политик, наднациональных мер в области энергетики и инфраструктуры, конкуренции, государственных закупок, промышленной и агропродовольственной политики, а также таможенно-тарифного и технического регулирования».

В докладе, в частности, проанализированы перспективы выработки общих требований к *ESG*-отчетности в ЕАЭС и отмечено, что развитие системы «зеленого» финансирования в государствах – членах ЕАЭС находится на начальном этапе: лишь две страны, Россия и Казахстан, уже разработали основополагающие документы в данной сфере. Потому создание и внедрение общих требований к *ESG*-стандартам и *ESG*-отчетности на данном этапе видятся более логичной и простой задачей, чем в ситуации, когда все страны ЕАЭС уже будут иметь собственные действующие системы.

Предлагается также запустить конкурентоспособные на международном уровне механизмы выпуска «зеленых» ценных бумаг и привлечения «зеленого» инвестирования, включая механизмы верификации климатических и социальных проектов, направленные в т.ч. на финансирование евразийских проектов. Должны быть определены механизмы поддержки развития рынка «зеленых» финансов в ЕАЭС, включая налоговое стимулирование, поддержку со стороны институтов развития и др. В перспективе предполагается создание Евразийской «фабрики» «зеленого» проектного финансирования.

На саммите в Глазго председатель правления Евразийского банка развития Н. Подгузов оценил требуемый совокупный бюджет климатических проектов в странах ЕАЭС до 2030 г. в 550 млрд долл., или 69 млрд долл. ежегодно. Таким образом, существующий объем инвестиций должен быть увеличен почти вдвое. Задача стимулирования государственных и частных вложений требует, по мнению авторов доклада, «дополнения и развития Договора о ЕАЭС в части

режима осуществления инвестиций с акцентом на климатические и адаптационные проекты».

Основное же внимание в докладе уделено формированию общей системы углеродного мониторинга и регулирования в ЕАЭС с учетом введения торговыми партнерами трансграничного углеродного регулирования. Заявленный подход в этой сфере: национальные системы углеродного регулирования в ЕАЭС должны основываться на принципах, согласованных на уровне Союза, не допускающих создание внутри него «климатических барьеров» и нивелирующих воздействие таковых на рынках третьих стран.

Для этого предлагается в т.ч. запустить в оперативном режиме консультации с зарубежными партнерами ЕАЭС, используя действующие форматы взаимодействия (СНГ, ШОС, АСЕАН и др.) и торгово-экономические соглашения (прежде всего с Китаем, Сингапуром, Вьетнамом), имея в виду необходимость выработки общей позиции по развернутой климатической повестке, в т.ч. по вопросам торговли углеродными квотами и введения «экологического налогообложения» как в форме внутреннего национального сбора, так и в виде экспортных пошлин.

Внедрение системы евразийского климатического мониторинга требует обеспечения совместимости национальных механизмов регулирования по таким направлениям, как преобразование системы оценки антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов в национальную систему мониторинга и прогнозирования объемов выбросов; систематизация учета выбросов парниковых газов в отраслях, включая введение экологического паспорта предприятия, а также ведение и регулярная актуализация перечней отраслевых и региональных конверсионных коэффициентов; учет масштаба и прогресса применения низко- и безуглеродных технологий и вклада технологического фактора в снижение выбросов.

Функциями оператора системы климатического мониторинга в ЕАЭС предлагается наделить Евразийский банк климатических данных. Инициативу создания этого института президент России выдвинул в мае 2021 г. на заседании Высшего евразийского экономического совета.

Как указывается в докладе, совместимость национальных систем регулирования необходима для реализации концепции взаимного признания углеродных правил, включая таксономию «зеленых» и адаптационных проектов, а также методологии и методики расчетов и оценок углеродного следа и углеродных единиц. Это должно коснуться таких сфер, как энергетика, промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, водоснабжение и водоотведение, обращение с отходами, охрана экосистем.

Взаимное признание видится предпочтительней, чем унифицированное единое законодательство, «введение которого далеко не всегда обосновано, трудно достижимо и подвержено постоянным рискам национальных нормотворческих процессов». Кроме прочего, необходимость согласовывать на уровне органов Союза единые требования углеродного учета и связанные с ними отраслевые методики «была бы сопряжена со значительными временными затратами и, как следствие, рисками еще более существенного отставания от промышленно развитых стран в плане конкуренции за пользование преимуществами глобального технологического перехода».

«Необходимо избавиться от иллюзии о возможности снижать выбросы предприятий административно-командными методами и приступить к внедрению налогово-экономических стимулов. В противном случае мы неизбежно будем платить углеродные налоги в иностранных юрисдикциях — вместо того, чтобы монетизировать этот ресурс самим, для целей собственного развития», — под-

черкивается в докладе. Оптимальным вариантом представляется введение углеродного налога, внедрение же системы торговли углеродными квотами охарактеризовано как малопродуктивное. «Будет сложно согласовать общесоюзный “потолок” выбросов по конкретной отрасли, так как национальные предельные уровни в государствах – членах ЕАЭС по смыслу общего рынка эмиссии должны находиться в пропорции к экономико-технологическим показателям соответствующей отрасли в каждой из стран, а значит, придется договариваться и об этих показателях, и о критериях их оценки. Кроме того, необходимо будет регулярно согласовывать порядок выдачи, количество, размер и срок погашения бесплатных разрешений на выбросы по каждой стране и каждой отрасли. Волатильность аукционных котировок на углеродные единицы также является проблемой»¹.

Некоторый опыт внедрения таких механизмов, как указывалось выше, наработан в РФ и Казахстане. Российским законом от 2 июля 2021 г. «Об ограничении выбросов парниковых газов» предусмотрено введение углеродной отчетности для крупных эмитентов парниковых газов. Закон определяет правовую основу для реализации климатических проектов и обращения углеродных единиц, установлены критерии климатических проектов, порядок верификации результатов климатических проектов и порядок ведения реестра углеродных единиц. В Казахстане с 2013 г. функционирует система торговли углеродными квотами, и создан Государственный фонд экологической информации, являющийся оператором и держателем всех связанных с углеродными параметрами кадастров, регистров и систем учета.

Имплементация принятых обязательств в рамках Парижского соглашения и последующих деклараций и документов конференций ООН, включая последние, принятые в Глазго, требует принятия практических шагов и действий национальными регуляторными органами и международными неправительственными профессиональными ассоциациями, влияющими на деятельность международных и национальных компаний. Важнейшим направлением текущих изменений является внедрение повестки устойчивого развития в корпоративное управление и расширение привлечения частного финансирования в проекты «зеленого перехода». С другой стороны, фактор климатических рисков, изменяющих условия деятельности промышленных компаний, создает дополнительные угрозы устойчивости национальных финансовых рынков, в первую очередь банков и страховых организаций.

В значительной мере целеполагание в этом направлении реализуется через изменение условий кредитования национальных экономических игроков с учетом их углеродного следа, внедрение принципов *ESG* в корпоративное управление и формирование источников «зеленого» финансирования с учетом достижения целей снижения выбросов парниковых газов и минимизации углеродного следа крупнейших компаний национального и мирового рынков.

В ЕС, США, на уровне международных неправительственных организаций активно формируются требования раскрытия нефинансовой информации, влияющей на достижение целей устойчивого развития участниками экономической деятельности на основании нефинансовой отчетности. Наиболее авторитетной из международных некоммерческих ассоциаций, которые добровольно разрабатывают стандарты раскрытия финансовой информа-

¹ *О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов «зеленой» экономики и концептуальных подходах в Евразийском экономическом союзе: аналитический доклад.* М.: Департамент макроэкономической политики. С. 30-31. Доступ: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/939/Doklad_Zelenaya_ekonomika_PDF_sayt.pdf (проверено 10.03.2022).

ции, связанной с изменением климата, считается *TCFD* (*The FSB Task Force on Climate-related Financial Disclosures* – Рабочая группа по вопросам раскрытия финансовой информации, связанной с изменением климата, при Совете по финансовой стабильности).

В конечном счете, эти стандарты могут стать обязательными для всех национальных компаний, являющихся участниками международного торгового оборота, и привлечения финансирования через международные институты развития или национальные фондовые биржи. Без сомнения, дополнительным фактором имплементации этих стандартов станет уже упомянутое совмещение со стандартами международной финансовой отчетности (МСФО).

«Руководство по основным показателям отчетности предприятий о вкладе в достижение Целей Устойчивого Развития» на русском языке принято Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Руководство делит показатели для раскрытия на 4 основные группы: а) экономическая сфера, б) экологическая сфера, с) социальная сфера, d) институциональная сфера. В совокупности 31 из используемых показателей, привязанных к достижению конкретных целей устойчивого развития ООН, позволяет сформировать метрики для оценивания каждой компании и отражения этих показателей в нефинансовой отчетности.

Существенным элементом нефинансовой отчетности становится показатель выброса парниковых газов компанией. Так называемый Протокол по парниковым газам (*GHGP*) возник из-за необходимости помочь странам и компаниям в учете, отчетности и сокращении выбросов на основе отчета, в котором определена программа действий по борьбе с изменением климата, включая необходимость стандартизированного измерения выбросов парниковых газов.

Протокол *GHG* основан в 1998 г. для разработки международного общепринятого метода учета парниковых газов, стандартов отчетности, а также для содействия их внедрению в целях снижения выбросов парниковых газов во всем мире. Протокол используется предприятиями, правительствами и различными экологическими сообществами по всему миру для создания надежных и эффективных программ борьбы с изменением климата.

Институт мировых природных ресурсов (*WRI*) и Всемирный деловой совет по устойчивому развитию (*WBCSD*) создали *GHGP* как международный стандарт корпоративного учета и отчетности по выбросам. Согласно Протоколу, выбросы парниковых газов компании подразделяются на прямые и косвенные и классифицируются по трем категориям (*Scope 1–3*).

В настоящее время это наиболее широко используемый инструмент для отслеживания и подсчета выбросов парниковых газов: девять из десяти компаний из списка *Fortune 500*, отчитывающихся перед *CDP*, используют приведенную глобальную стандартизированную систему.

Многие российские предприятия пытаются оценивать объемы выбросов парниковых газов по этим категориям, используя различные методики, хотя законодательно такая обязанность не закреплена. Обычно подсчет по категориям ведут крупные компании, деятельность которых связана с поставками продукции или услуг на мировые рынки. Аналогичные метрики используются и рейтинговыми агентствами, при этом проблема состоит в отсутствии верификаторов предоставляемых данных, и процесс национальной верификации в России был начат лишь осенью текущего года.

Банк России 12 июля 2021 г. принял Рекомендации по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ.

Эти Рекомендации разработаны и могут быть использованы для расшире-

ния информационной прозрачности, эффективной организации и раскрытия информации об *ESG*-факторах, а также в целях повышения эффективности реализации советами директоров стратегических и контрольных функций, повышения ответственности исполнительных органов за ведение бизнеса с учетом *ESG*-факторов, повышения инвестиционной привлекательности организаций, улучшения их взаимодействия со всеми заинтересованными лицами. Рекомендации подготовлены с учетом положений международных стандартов и наднациональных актов по раскрытию нефинансовой информации и основаны на принципах и положениях Кодекса корпоративного управления применительно к компаниям, ценные бумаги которых допущены к организованным торгам.

Очевидно, в рамках развития российского законодательства в этом направлении органами регулирования и надзора, в т.ч. и Банком России, должны быть установлены отдельные требования к раскрытию компаниями информации о фактах, связанных с окружающей средой и экологией, с изменением климата, социальными аспектами деятельности компаний и корпоративным управлением в рамках Концепции развития публичной нефинансовой отчетности, утвержденной Правительством РФ. Здесь необходимо обратить внимание на уже принятое Положение Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг», которое в т.ч. предусматривает требования о раскрытии информации о корпоративном управлении в годовом отчете акционерного общества. Уже проделанная работа в направлении формирования российского законодательства о принципах и раскрытии информации в области нефинансовой отчетности может стать моделью для ее применения другими странами ЕАЭС и на пространстве стран СНГ.

Одним из важнейших процессов, направленных на реализацию целей устойчивого развития и энергетического перехода, является развитие так называемого зеленого финансирования, позволяющего привлекать частным компаниям, отдельным городам и государствам финансовые средства для борьбы с климатическими изменениями. По оценкам финансовых аналитиков, к 2020 г. число *ESG*-фондов в мире выросло в 3,5 раза, а суммарный объем активов под их управлением составляет 153 млрд долл. США. Таксономия в области «зеленого» финансирования не является общепризнанной даже на уровне международных неправительственных организаций, и на ожидаемом саммите ООН по климату в Египте она станет одной из центральных тем, поскольку связана с реализацией практических мер по привлечению странами-реципиентами финансовой помощи ООН и отдельных компаний, в т.ч. и международных институтов развития.

В России лишь в конце ноября текущего года, уже после саммита в Глазго, вступили в силу новые стандарты эмиссии ценных бумаг, соответствующие критериям «зеленых» и социальных облигаций с учетом целевого использования получаемых средств. Очевидно, регуляторные изменения и внесение однозначности в понимание критериев нового типа ценных бумаг позволят российским и иностранным инвесторам более обоснованно принимать решения о расширении инвестиций в этом направлении.

Значительная роль во внедрении принципов устойчивого развития принадлежит национальной финансовой системе. К настоящему моменту большинство крупнейших российских банков на пути к ответственному финансированию обсуждают стратегии и метрики оценки заемщиков, появление специальных продуктов кредитования (например, для проектов, связанных с использованием возобновляемой энергетики, созданием новых технологий или процессов, связанных с уничтожением твердых мусорных отходов и др.). Однако эта

тенденция не стала повсеместной и требует, очевидно, дополнительной регуляторной риторики со стороны Банка России. Значительно медленнее, чем в банковском секторе, происходят изменения в страховом секторе. Нет ни одной компании из числа учрежденных в России, присоединившихся к международной неправительственной инициативе *PSI – Principles of Sustainable Insurance* (на текущий момент объединяет более 140 ведущих международных страховых компаний, под управлением которых находятся более 14,0 трлн долл. США). Очевидно, инициативы российских страховщиков в появлении специализированных страховых программ, призванных компенсировать последствия климатических изменений и митигацию возникающих рисков, обеспечивающих страховую защиту «зеленый переход» и социальные инициативы компаний, должны стать одним из элементов необходимых изменений на финансовом рынке. В то же время изменение инвестиционной политики российских страховщиков может стать дополнительным стимулом в достижении прогресса в устойчивом развитии.

Важным инструментом продвижения и принуждения национальных компаний к следованию принципам устойчивого развития ООН является использование *ESG*-рейтингов. Такое рейтингование проводится на добровольной основе и следует индивидуальным методологиям рейтинговых агентств. Только в РФ используются *ESG* Национального рейтингового агентства, рейтингового агентства Эксперт РА, АКРА и *RAEX*. На зарубежных пространствах наиболее авторитетными являются рейтинги устойчивого развития (*sustainable development indices*), присваиваемые на добровольной основе. Так, *S&P Global* ежегодно публикует рейтинги устойчивости международных компаний на добровольной основе. В отчете *The Sustainability Yearbook – 2021 Rankings* представлены данные о 7 000 компаний, оцененных агентством на основании практики оценки корпоративной устойчивости. Большинство компаний из участвующих в рейтинге зарегистрированы в Японии и Республике Корея, российские компании в этом издании не упоминаются. Очевидно, что важным элементом перехода к практическим аспектам изменений в корпоративном управлении для достижения целей, связанных с устойчивым развитием и климатической повесткой, должно стать положительное влияние участия российских компаний – участников международных торговых операций в этом и аналогичном рейтинговании для достижения большей прозрачности российского бизнеса.

Климатический саммит в Глазго со всеми его достигнутыми соглашениями и непреодоленными противоречиями ясно показал, во-первых, принципиальную приверженность международного сообщества идее «зеленого перехода», во-вторых, общее понимание того, что этот переход может быть совершен только на основе принципов устойчивого развития и, наконец, в третьих, – отсутствие единого взгляда на то, как эти принципы должны выражаться на практике. По мнению одних (представляющих, как правило, развитые страны) глобальная климатическая политика уже сейчас, в общем, соответствует таким ценностям, как равенство возможностей, преодоление разрывов, обеспечение человеческого достоинства, однако другие полагают, что пока она зачастую только усугубляет разрывы и неравенство.

Оформление международных правил и механизмов в области борьбы с глобальным потеплением, закрепленное Климатическим пактом Глазго, уточняет и расширяет задачи национальной климатической политики, еще более повышая их актуальность.

Любое масштабное экономическое преобразование затратно. Перед Россией как составной частью глобальной экономической системы стоит задача минимизировать эти убытки: во-первых, через активное участие в дальнейшей выра-

ботке глобальных норм перехода к низкоуглеродной экономике, во-вторых, через адаптацию национального хозяйства к новым нормам. «Зеленый переход» должен стать в России толчком для модернизации производственных мощностей, для внедрения *ESG*-повестки в бизнесе, для развития инструментов финансирования устойчивого развития.

Решения, принятые в Глазго, позволяют конкретизировать и ускорить уже ведущуюся работу по развитию национальной системы реализации климатических проектов и квотирования выбросов, нацеленной на их гармонизацию с международными механизмами и ориентированной на экономическую интеграцию в рамках Евразийского союза.

Климатическая тематика должна быть проанализирована в разрезе общего внешнеполитического позиционирования. Российская делегация в Глазго сумела добиться ряда успехов, отстаивая интересы отраслей национальной экономики, не способных вписаться в высокие темпы «зеленого перехода», задаваемые Западом. Но то, что климатический вызов прочно занял одно из первых мест в глобальной политической и экономической повестке, заставляет рассмотреть его с точки зрения защиты всего комплекса национальных интересов.

Климатические партнерства – многообещающий формат международного сотрудничества, позволяющий развивать отношения даже в условиях принципиальных идеологических и геополитических противоречий. Климатические партнерства в перспективе способны дать возможность как для продвижения наиболее приемлемых для нашей страны решений в процессе борьбы с глобальным потеплением, так и для реализации широкого круга внешнеполитических инициатив, лишь косвенным образом связанных с этим вызовом.

В ряде случаев климатическое партнерство может быть нацелено не просто на интенсификацию двустороннего взаимодействия, а на организацию полномасштабного стратегического сотрудничества. Прочность партнерств такого рода всегда обуславливается их опорой не только на конкретные интересы, но и на общие ценности. Комплекс идей устойчивого развития представляется вполне подходящей основой для ценностного наполнения российской климатической политики и превращения ее в важнейший инструмент внешнеполитического позиционирования России.

В Глазго в равной степени были представлены и органы исполнительной власти РФ, и отечественный бизнес, и экспертное сообщество. Вместе с тем Россия по-прежнему ощущает серьезный дефицит специалистов в сфере климатической дипломатии, способных обеспечить успешное решение задач как на национальном и отраслевом уровнях, так и на уровне отдельных компаний: не наработан пока достаточный опыт, не созданы условия для специальной их подготовки.

Ситуация, когда вектор общего движения уже задан и определен ряд конкретных правил, но единое видение того, как должны реализовываться принципы этого движения, по-прежнему отсутствует, с одной стороны, предъявляет к России как участнице этого процесса высокие требования. Ведь, чтобы не оказаться на периферии глобального взаимодействия, не понести серьезный политический и экономический ущерб в силу несоответствия новым глобальным стандартам, необходимо активное осуществление климатической политики в духе Парижа и Глазго на среднемировых скоростях. С другой стороны, эта ситуация создает для России окно возможностей, выходящих далеко за пределы узкоклиматической тематики. И их тоже надо успеть реализовать.

Список литературы

Юргенс И.Ю., Турбина К.Е. 2022. Климатический саммит в Глазго: обновление мироустройства и задачи России. — *Центр устойчивого развития и ESG-трансформации МГИМО*. 11.01. Доступ: https://mcur-mgimo.ru/klimaticheskij-sammit-v-glazgo-obnovlenie-miroustrojstva-i-zadachi-rossii/#_ftn (проверено 10.03.2022).

Parry I., Black S., Vernon N. 2021. Still Not Getting Energy Prices Right: A Global and Country Update of Fossil Fuel Subsidies. — *IMF Working Paper*, September. 42 p.

YURGENS Igor Yur'evich, Cand.Sci (Econ.), Professor; Professor of the Chair of Risk and Insurance, Moscow State Institute of International Relations, University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119454; yurgens@riocenter.ru); President of the All-Russian Union of Insurers; Vice-President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs; Head of the Russian International Resource Center ESG MGIMO
TOURBINA Capitolina Evgenievna, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Chair of Risk and Insurance, Leading Researcher at the Centre for Sustainable Development, University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119454; ctourbi@yandex.ru)

CLIMATE SUMMIT IN GLASGOW: RENOVATION OF THE WORLD ORDER AND RUSSIA'S AGENDA

Abstract. *The article examines in detail the state, tasks and implementation of the climate dialogue in the world with the participation of the Russian Federation and shows the problems of climate change and the need for the efforts of the world community to pursue «green policy». The authors cite a significant amount of documents from the 26th Conference of the United Nations Framework Convention on Climate Change in Glasgow (COP26). The practical results of the latter reflect the interests, conditions, contradictions and the level of political will that exists in the world today, which is not enough to overcome deep divisions. The authors consider risks and benefits of «green policy» for the Russian Federation. Russia as an integral part of the global economic system faces the task of minimizing the costs of the «Green Transition» through active participation in the further development of global norms for the transition to a low-carbon economy and through the adaptation of the national economy to new norms. The «Green Transition» should become an impetus in Russia for the modernization of production capacities, for the introduction of the ESG agenda in business, for the development of sustainable development financing instruments. The climate issue in Russia should be analyzed in the context of the general foreign policy positioning and the assertion of the country's national interests. The article emphasizes that climate partnerships are a promising format of international cooperation that allows developing relations even in the face of fundamental ideological and geopolitical contradictions.*

Keywords: *environmental issues, environmental policy, «Green Transition», sustainable development, natural ecosystems, climate change, climate policy, cooperation, contradictions, Paris Agreement, Glasgow Climate Pact, methane pact, nuclear energy, clean energy, forest climate project, inequality, North–South, «Twenty Vulnerable»*
